

⁴⁶ Сталин И. Собр. соч. М., 1946. Т. 3. С. 283.

⁴⁷ Роллан Р. Собр. соч. М., 1958. Т. 13. С. 136.

⁴⁸ Новая жизнь. 1917. № 78. 19 июля (1 авг.).

⁴⁹ Публицистика М. Горького в контексте истории. С. 266.

⁵⁰ Там же. С. 291.

Первая мировая война в публицистике и прозе Леонида Андреева

Если бы Наполеон так же внимательно и остро разглядывал трупы убитых, как это делал хотя бы Гаршин, – едва ли бы он стал воевать, какие бы миражи величия и власти ни открывались перед его воображением.

Л. Андреев

Роль и место публицистики и прозы Л. Андреева в литературе военного времени отчетливо проявляются при социокультурном анализе проблемы «Русские писатели и Первая мировая война». На наш взгляд, в подобном подходе прежде всего нуждаются такие вопросы, как отношение Л. Андреева к войне, постижение ее бесчеловечности, видение писателем послевоенного мироустройства. Они и стали предметом нашего внимания.

Известно, что по отношению к Первой мировой войне русские писатели, как и другие деятели отечественного искусства, надолго были разделены на «оборонцев» и «пораженцев», «милитаристов» и «пацифистов», «националистов» и «шовинистов» и т. д. Внимание исследователей духовной жизни России военного времени привлекало не столько художественное и публицистическое творчество того или иного писателя, сколько его политическая позиция: поддержка или несогласие с большевистской линией, временные или принципиальные «заблуждения».

Следует заметить, что в силу «непопулярности» войны перед писателями возникли сложнейшие нравственные вопросы: что делать поэту – молчать (З. Гиппиус) или бить в набат (Л. Андреев), воодушевлять или успокаивать общество; в чем найти нравственную «укрепу» (А. Ремизов) для россиян; желать поражения

«своему правительству» (как требовали того большевики во главе с В.И. Лениным), забыв об армии, народе?

В годы войны значительный резонанс вызвала статья Л. Андреева «Пусть не молчат поэты». Она явилась откликом на стихотворение З. Гиппиус «Тише, поэты». В статье прозвучал призыв к братьям по перу не оставаться в стороне от столь важных для судьбы России событий. Полемизируя с З. Гиппиус, Андреев сказал: «Главное заключается в том, чтобы заставить услышать войну, сосредоточить на ней и ее вопросах не только чисто внешнее внимание, но и внутренне глубоко ею заинтересовать, потрясти и взволновать. Пусть больно, пусть даже противно, но зато и полезно, и даже необходимо. <...> Я вовсе не преувеличиваю значения писательского слова и не думаю, что как только сядут поэты за темы “о войне”, так сейчас же получится нечто вечное, бессмертное и вещное. Как и всегда, одни будут писать хорошо, другие плохо, и больше плохо, чем хорошо: сама огромность темы будет придавливать дерзающих. <...> Нельзя же в самом деле <...>, чтобы и З. Гиппиус заранее предписывала каждому поэту: молчи! Все равно, хорошего не напишешь! Нет – пусть не молчат поэты!» [Андреев, 1915].

При освещении вопроса об отношении русских писателей к войне в отечественном литературоведении сложились три основных стереотипа:

- а) следование лозунгу «война до победного конца» воспринималось как сознательная поддержка правительственного курса;
- б) затем у прогрессивных писателей последовали быстрое отрезвление или разочарование в прежних иллюзиях;
- в) среди нетвердых политически писателей господствовало отсутствие четкой выраженной позиции или полное игнорирование военной темы.

С самого начала войны Л. Андреев считал, что время потребовало «переведения войны из плана общечеловеческого в область *отечества* и политики» [Андреев, 1994, с. 51]. С общечеловеческой точки зрения начавшаяся война ему, как и многим писателям, представлялась безумием, противостояние которому стало целью их творчества, общественно-культурной деятельности.

Взять те же вопросы об интернационализме в военное время и о поражении своего правительства. Литература, традиционно находившаяся в оппозиции к правительству, в ходе войны вынуждена была перестраиваться. И прежде всего нужно было ответить на вопрос: *с кем вступила в войну Россия?* Л. Андреев уточнил его так: «с Германией – страной, укреплявшей российскую реакцию, или с Германией – родиной немецкой социал-демократии, родиной Карла Маркса, Энгельса, Бебеля и Каутского?» Как распутать клубок, как разобраться в том, «что в этой войне приходится на долю Маркса и что на долю Вильгельма», если «даже Плеханов со всей его ясностью попал в “патриоты, черносотенцы и Смердяковы”». Что же говорить о размагниченных интеллигентах, нытиках, ничемных и вечных идейных путаниках, как называли художников истые марксисты» [Андреев, 1989, с. 115].

В общечеловеческом противлении начавшейся войне в публицистике 1914–1918 гг. оказались в единстве национальные и интернациональные начала. В годы войны публицистическое слово Л. Андреева, М. Волошина, В. Короленко, произведения поэзии и прозы, запечатлевшие ратный труд соотечественников, взывавшие к состраданию к семьям погибших, к беженцам, детям, военнопленным, играли роль духовного противовеса революционным устремлениям большевиков, призывавших к «поражению своего правительства». В этом кроется одна из причин стойкой ненависти большевиков к военной литературе. В публицистическом и художественном слове, в живописи и музыке вызревала этика ненасильственного мира с любовью и уважением к каждому участнику войны, толерантностью к противнику.

С другой стороны, подлинно интернациональные начала художественной культуры военных лет выразились в поисках точек соприкосновения в идеологии воюющих стран, в стремлении найти путь к миру без войн, в противостоянии национализму. Для писателей России вопрос об интернационализме неизбежно упирался в вопрос об общечеловеческих ценностях. Может ли настоящий гражданин желать поражения своей родины? Литература, привыкшая находиться в оппозиции к правительству, казалось бы, должна была соглашаться с большевистским лозунгом «поражения

своего правительства». Но понятия своего государства, своего правительства связаны с понятием родины. Если желать поражения своему народу, значит, желать смерти своему мужику, одетому в солдатскую шинель. О соотношении *национального* и *интернационального* писали Л. Андреев в статье «В сей грозный час», Д. Мережковский в книге «Невоенный дневник», В. Ропшин в статьях «Письма из армии» и др.

Исходя из высказываний Л. Андреева, В. Брюсова, Д. Мережковского задачи русской литературы как части культуры виделись в том, чтобы:

- противопоставить стихийной воле к разрушению и смерти волю к творчеству и жизни;
- не допустить угасания культуры;
- препятствовать одичанию, озверению масс;
- воспрепятствовать стихийному злу: антисемитизму, национализму, антигерманизму («не разлюбить Шиллера, не перестать читать Канта, не забыть Лассаля и Маркса», – Л. Андреев);
- увидеть все положительное, что можно увидеть в союзнике.

Есть все основания сказать, что статьи Л. Андреева «В сей грозный час», «Любите солдата, граждане!», «Торгующим в храме», «Франция, прости!» и др., перепечатывавшиеся в десятках изданий, русских и зарубежных, – далеко не «шовинистическая пропаганда, развернутая российской печатью» [Нинов, 1970, с. 146].

Весомый вклад принадлежит Л. Андрееву-художнику в постижении войны. Уже в самом начале Первой мировой войны Л. Андреев высказал мысль о том, что война имеет две летописи: первая – это свод фактов, имен и т. д., вторая – «показания очевидцев», письма, стихи, настроения общества. Эта вторая и есть «настоящая, доподлинная история человечества» [Сергеев, 1989, с. 113].

У Л. Андреева нет описания конкретных событий, столь интересных для историков войны, т. е. *увиденного очевидцами*. В его творчестве переданы *чувства художника военного времени*. Одним из первых он ощутил границу, разделяющую мир и войну. В дневнике писателя есть запись, датированная 15 авгу-

ста 1914 г., о прощании с братом Андреем, уходившим на войну, «на Варшаву, в самое пекло»: «И он *здесь*, а там по дороге уже тянется их полк, обоз и прочее, и через час он присоединится к этому серому, военному, идущему за Варшаву. И пока он ел и пил в Анином кабинете, я говорил ему все только хорошее о войне, а сам смотрел *вторыми настоящими глазами*, запоминал движение и лицо. Все та же бороденка, вообще Андрей, Андрюша, наш Андрей. И когда он попросил ему ветчины на дорогу, то я запомнил ветчину; на белой тарелочке полукруглые, с жиром, действительно приятные ломти. Было очень радостно, что он попросил этой ветчины, точно в чем-то и мы помогли, и тут же горько и стыдно, что так мало, – какой пустяк: ветчины! А в кабинете две красные лампы, и я все время видел Андрея и вещи; и видел весь дом, мой мирный кабинет и тишину. Говорили о многом, а самого главного – боится ли он идти и думает ли, что может быть убит, и что это свидание может быть последним, и что отсюда для нас он, может быть, идет в бесконечную смерть – этого нельзя было ни спросить, ни сказать. В действительности хотелось не говорить, а водить его по дому, по саду, по всем людям нашим, чтобы со всеми он простился, на все посмотрел. И не утешать, а говорить: Андрюша, а ведь очень возможно, что тебя убьют, смотри, как там бьют» [Андреев, 1994, с. 21].

В этих строках дневника, предназначавшегося, впрочем, для печати, отразились одновременно *деликатность человека*, провожающего своего близкого, может быть, на смерть, и *смелость художника*, заговорившего о том *главном* в жизни людей, непосредственно связанных с войной. В этом же эпизоде – *правда* в отношениях людей, остающихся *здесь* и отправляющихся *туда*. Что на грани мира и войны важно и что несущественно для человека? Что останется в памяти провожающих и что – в памяти отправляющегося на войну солдата, в окопах, быть может, в госпитале?

Обращает на себя внимание тот ряд, в котором вроде бы в случайной последовательности расположились вещи, которые попадают в поле зрения автора дневника: две красные лампы, дом, мирный кабинет и тишина. И среди *наших* мирных вещей – «в углу *его ружье*. Я посмотрел и взял на руку: очень красивое, стройное,

стройный, как барышня, штык. С этим ружьем он пойдет, с ним расстанется, только упав – там, где-то в Пруссии, где падают уже. Его ружье» [Андреев, 1994, с. 22]. Такая словно случайная последовательность, напоминающая современный кинематографический прием – произвольно скользящий взор любительской камеры, задержавшийся вдруг на ружье, – передает состояние автора и создает особое настроение у читателя, ощущение, что *война вошла в дом*.

Четыре военных года в жизни страны, отразившиеся в литературе, – это видимое («Россия сдвинулась с места», говоря словами И. Шмелева) и незаметное, будничное (угасающий интерес к жизни, оптимизм первых дней войны и безысходная тоска, день и ночь грызущая душу). В освоении *мирных реалий войны*, на наш взгляд, повесть Л. Андреева «Иго войны» (1916) с ее вниманием к жизни обыкновенного городского человека во время войны занимает значительное место в истории нашей литературы 1914–1918 гг.

Главный герой повести – банковский чиновник Илья Петрович Дементьев; по жанру повесть Л. Андреева – дневник «маленького человека о великих днях», как обозначено в подзаголовке. Дементьев по возрасту не мог быть призван в армию, и его основная задача – уберечь свое «маленькое счастье» от начавшейся войны. Дневник начат в августе 1914 г., последние записи сделаны в сентябре 1915 г. Таким образом, в нем нашли отражения военные события первого года войны: завоевание галицийских городов Львова и Галича в августе 1914, поражение русской армии в Восточной Пруссии, вступление в войну Турции и сражения под Варшавой, взятие Перемышля и последующее отступление. Отразились в дневнике Дементьева и российские события: газетные сообщения о нехватке оружия, созыв Государственной думы и неожиданный ее роспуск.

Считая себя «маленьким человеком», Дементьев все-таки имеет свое мнение о войне, не соглашаясь с теми, кто всецело поддерживает ее: «...мне ужасно не нравится, что война. Очень возможно (да это так и есть), что более высокие умы: ученые, политики, журналисты способны усмотреть какой-то смысл в этой безобразной драке, но с моим маленьким умом я решительно не

могу понять, что тут может быть хорошего и разумного» [Андреев, 1916, с. 149].

Война для Ильи Петровича – лишь массовое убийство, она «больше похожа на сплошное живодерство, чем на торжество какой-то справедливости». Для Дементьева каждый человек важен и уникален: «Людей режут и душат, а они уверяют, что это и надобно, что это и хорошо – потом, дескать, возьмем мы Берлин и справедливость восторжествует. Какая справедливость? Для кого? А если среди погибших бельгийцев был вот такой же Илья Петрович, как и я (а почему ему и не быть?), то очень ему пригодится эта справедливость!» [Андреев, 1916, с. 151].

По мнению Ильи Петровича, людей нельзя превращать в числа, которыми можно и нужно жертвовать ради какой-либо высокой идеи, во имя высшей правды: «Это для зерна и огурцов есть счет, а для человека нет числа, это дьяволов обман. Всякий, кто людей не по имени называет, а считает, тот есть дьяволов слуга и обманщик, сам себе лжет и других обманывает – как только начнут людей считать, тотчас же и теряют всякую жалость, всякий распуск. Для примера тут же в газете про одно боевое столкновение буквально напечатано: “наши потери ничтожны, двое убитых и пятеро раненых”. Интересно знать: для кого это “ничтожны”? Для тех, кто убит?» [Андреев, 1916, с. 152].

Год войны, от которой так хотелось убежать, для мелко-го банковского служащего Ильи Дементьева стал годом испытаний: смерть дочери, потеря службы, положение России на войне. Эти испытания изменили отношение героя Л. Андреева и к себе, и к другим. Многое пришлось изведать «маленькому человеку»: ненависть к людям и попытку самоубийства, неприятие войны и полное смирение с происходящим.

Удивительно, но в отечественном литературоведении повесть Л. Андреева «Иго войны» осталась практически без внимания. Отличающаяся гаршинским гуманизмом по отношению к «маленькому человеку» во время войны, она никогда не включалась в сборники андреевской прозы. Только в середине 1990-х гг. этому произведению уделил внимание Б. Хеллман, зарубежный исследователь русской литературы [Хеллман, 1995, с. 206–219].

Анализируя повесть Л. Андреева, он осветил историю ее создания, проблематику и отметил связь с рассказами В. Гаршина «Трус» и «Четыре дня». Совершенно справедливо, на наш взгляд, Б. Хеллман заметил, что назвать «Иго войны» патриотическим или антивоенным произведением – значит сказать полуправду; на уровне более высоком Л. Андреев уже не интересуется оппозицией «война – антивоенный протест». «Вместо нее находим оппозиции, знакомые по всему творчеству Андреева: ум – чувство, нейтралитет – участие, изоляция – общность» [Хеллман, 1995, с. 218].

Вместе с тем, это произведение рассмотрено Б. Хеллманом только как факт творческой биографии писателя. На наш взгляд, не оценена должным образом значимость для литературы андреевской темы *соприкосновения* «маленького» человека с таким историческим событием, как мировая война. Не последнюю роль в этой недооценке сыграла самокритичность Л. Андреева – дневниковая запись о слабости повести «Иго войны» в силу ее публицистичности, о причинах которой он писал: «Эта опасность – лишиться рассудка – существовала для меня во все время войны и временами ощущалась довольно страшно: и боролся я с нею публицистикой. И эти две слабые вещи: “Король” и “Иго войны” слабы именно потому (особенно последняя), что по существу представляют собою плохонькую публицистику. Надо было жить и не спать!» [Андреев, 1994, с. 182].

Слова Л. Андреева о переживании им войны как мировой катастрофы объясняют содержание повести, заключающееся в новом понимании войны его героем: «И прошел мой гнев, и снова стало мне печально и грустно, и опять текут у меня тихие слезы. Кого прокляну, кого осужу, когда все мы таковы, несчастные! Вижу страдание всеобщее, вижу руки протянутые...» [Андреев, 1916, с. 228].

Когда на Финляндском вокзале Дементьев видит, какими возвращаются военные инвалиды из немецкого плена, он воспринимает их уже не как жертв войны, а как несчастных сыновей России:

«Как слепой и глухой дурак, углубленный в свое ничтожество, я не сразу понял, зачем собралась такая толпа на вокзале, думал, что какое-нибудь веселье, праздник. Видимо, сбили меня с толку

цветы, флаги и оркестр, как для встречи молодых; а когда узнал, то сразу похолодел и с ужасом стал поджидать поезда: решительно не мог представить, что ужасное предстанет моим глазам, какое оно.

А когда понесли их, безногих и безруких, и заковывали слепые и одноножки, и заиграла музыка, и стали отдавать честь военные – оборвалось у меня сердце, и заплакал я со всею толпою. Закрыв глаза и слышу: ни одного голоса, а топочут ноги и деревянные по платформе, да музыка играет... трудно понять, что происходит. А открою глаза, тоже не сразу разберешь, в чем дело: в самых ярчайших рубашках инвалиды, в синих и красных, как женихи, а глаз нет, а ног нет... или это и есть наши теперешние, матушки-России, женихи? Кто же я, смотрящий? <...>

Женихи вы мои, женихи, красные рубашечки! Тяжел на головах ваших брачный венец и докрасна раскалено обручальное кольцо, которым навеки сочетались вы с родимую землю. Простите меня, окаянного» [Андреев, 1916, с. 228].

Сочувствие и чувство братской любви распространяются на всех без исключения. И справедливо мнение «маленького человека» в повести Л. Андреева: «Человечество заблудилось на войне, и связи с истинно человеческим порвались. Дело уже не в Матери-России, а в Матери-Земле и ее сыновьях» [Андреев, 1916, с. 229]. Это событие на вокзале ускорило путь к покаянию героя Л. Андреева.

Преображение Дементьева, пробудившееся в нем стремление участвовать в общей жизни, оказать посильную помощь пострадавшим на войне приводят его к решению стать санитаром на фронте. В итоге происходит не очередное отрезвление войной, проповедуется не умозрительный пацифизм, а передана *сопричастность*, включение в нее «маленького» человека.

Литература 1914–1918 гг. заняла достойную позицию и в вопросе о выходе России из войны. В публицистике и в своем творчестве писатели выражали тревогу по поводу накапливающейся злобы, ожесточения «человека с ружьем», опасности «войны всех против всех». Об этом говорили Л. Андреев, М. Волошин, М. Горький, В. Короленко, В. Ропшин и др. Зазвучало и сомнение в бесконечной правоте пролетариата, от имени которого говорили

левые социал-демократы. Сепаратный мир воспринимался как измена павшим, измена странам-союзникам. Но все это большевики считали «робинзоной» и «путаньем под ногами» (В.И. Ленин). В то время когда революционеры во имя любви к «прекрасному дальнему» стремились превратить войну в социалистическую революцию, прозвучали слова Л. Андреева об утопичности надежд решать вопросы жизнеустройства путем революций и войн: «Революция столь же малоудовлетворительный способ разрешать человеческие споры, как и война. Только низкое состояние Дуногого допускает и частью оправдывает эти способы. Раз нельзя победить враждебную мысль, не разбив заключающего ее черепа, раз невозможно смирить злое сердце, не проткнув его ножом, то и понятно: деритесь!» [Андреев, 1994, с. 37].

О том, *почему* необходимо успешно завершить войну, говорили Л. Андреев, Н. Гумилев, В. Короленко. Но *о последствиях* военного поражения сказал, наверное, один Л. Андреев в статье «Горе побежденным!» (1916): «Едкое чувство стыда, вызванное поражением, горечь попранного достоинства, неизбежная потребность большое поражение возместить хоть маленькой победой – преображаются в жестокость, *насилие над слабым*, в цинизм и презрение, и лишь маскируются иными гордыми словами. <...> Обесцененный в собственных глазах и сознании, побежденный битый обесценивает и все кругом: правду, человеческую жизнь, кровь и страдания, достоинство женщин, неприкосновенность детей. Испытавший слишком много боли, он щедро дает ее другим, чтобы в море слез утопить и свою мутную, ядовитую слезу; и если еще случались великодушные победители, то никогда не видел мир великодушного побежденного – горе побежденным!» [Андреев, 1994, с. 9]. Едва ли можно более емко предсказать суть послевоенного тоталитаризма.

Еще до начала общероссийской катастрофы Л. Андреев, как и другие писатели, предупреждал о губительности характерного для политиков деления на «своих» и «чужих». Октябрьский переворот перечеркнул многие «идеалистические устремления» творческой интеллигенции. Лишь время подтвердило правоту многих высказываний ее представителя – Л. Андреева.

Литература

- Андреев Л. Пусть не молчат поэты // Биржевые ведомости. 1915. 18 окт.
- Андреев Л. S.O.S.: Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). М.; СПб., 1994.
- Андреев Л.Н. Дневник писателя // Север. 1989. № 10.
- Сергеев О. Л.Н. Андреев о психологии войны // Север. 1989. № 10.
- Андреев Л. Иго войны. Признания маленького человека о великих днях // Метель: Альманахи издательства «Шиповник». Пг., 1916. Кн. 25.
- Хеллман Б. Маленький человек и великая война: Повесть Л.Н. Андреева «Иго войны» // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре: Сб. науч. тр. каф. рус. лит. Тарт. ун-та. Тарту, 1995. С. 206–219.
- Андреев Л.Н. Верните Россию! М., 1994.
- Нинов А. За строками одной статьи // Вопросы литературы. 1970. № 7.